

# НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

ДЕДУШКА МАЗАЙ И  
ЗАЙЦЫ (СБОРНИК)

Классика в школе (Эксмо)

Николай Некрасов

**Дедушка Мазай и зайцы (сборник)**

«Public Domain»

## **Некрасов Н. А.**

Дедушка Мазай и зайцы (сборник) / Н. А. Некрасов — «Public Domain», — (Классика в школе (Эксмо))

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучаемые в начальной, средней школе и старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков. В книгу включены стихотворения и поэмы Н.А. Некрасова, которые изучают в начальной школе и в 5—10-х классах.



## Содержание

|                                    |    |
|------------------------------------|----|
| Стихотворения                      | 6  |
| В дороге                           | 6  |
| «Еду ли ночью по улице темной...»  | 8  |
| «Я не люблю иронии твоей...»       | 10 |
| «Мы с тобой бестолковые люди...»   | 11 |
| Муза                               | 12 |
| Влас                               | 14 |
| «Безвестен я. Я вами не стяжал...» | 17 |
| «Замолкни, Муза мести и печали!..» | 18 |
| «Внимая ужасам войны...»           | 19 |
| «В столицах шум, гремят витии...»  | 20 |
| На Волге                           | 21 |
| Зеленый Шум                        | 28 |
| Рыцарь на час                      | 30 |
| Конец ознакомительного фрагмента.  | 34 |

# **Николай Некрасов**

## **Дедушка Мазай и зайцы (сборник)**

\* \* \*

## Стихотворения

### В дороге

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,  
Разгони чем-нибудь мою скуку!  
Песню, что ли, приятель, запой  
Про рекрутский набор и разлуку;  
Небылицей какой посмеши  
Или, что ты видал, Расскажи —  
Буду, братец, за все благодарен».

— Самому мне невесело, барин:  
Сокрушила злодейка жена!..  
Слышь ты, смолоду, сударь, она  
В барском доме была учена  
Вместе с барышней разным наукам,  
Понимаешь-ста, шить и вязать,  
На варгане играть и читать —  
Всем дворянским манерам и штукам.  
Одевалась не то, что у нас  
На селе сарафанницы наши,  
А, примерно представить, в атлас;  
Ела вдоволь и меду и каши.  
Вид вальяжный имела такой,  
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,  
И не то что наш брат крепостной,  
Тоись, сватался к ней благородной  
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,  
Баит кучер, Иваныч Торопка), —  
Да, знать, счастья ей Бог не судил:  
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,  
Да и в Питер... А справивши свадьбу,  
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,  
Захворал и на Троицу в ночь  
Отдал Богу господскую душу,  
Сиротинкой оставивши Грушу...  
Через месяц приехал зятек —  
Перебрал по ревизии души  
И с запашки ссадил на оброк,  
А потом добрался и до Груши.  
Знать, она согрubiла ему  
В чем-нибудь, али на просто тесно  
Вместе жить показалось в дому,

Понимаешь-ста, нам неизвестно, —  
Воротил он ее на село —  
Знай-де место свое ты, мужичка!  
Взвыла девка – крутенько пришло:  
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год  
Мне в ту пору случись... посадили  
На тягло – да на ней и женили...  
Тоись, сколько я нажил хлопот!  
Вид такой, понимаешь, суровой...  
Ни косить, ни ходить за коровой!..  
Грех сказать, чтоб ленива была,  
Да, вишь, дело в руках не спорилось!  
Как дрова или воду несла,  
Как на барщину шла – становилось  
Инда жалко подчас... да куды! —  
Не утетишь ее и обновкой:  
То натерли ей ногу коты,  
То, слышь, ей в сарафане неловко.  
При чужих и туда и сюда,  
А украдкой ревет как шальная...  
Погубили ее господа,  
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет все глядит  
Да читает какую-то книжку...  
Инда страх меня, слышь ты, щемит,  
Что погубит она и сынишку:  
Учит грамоте, моет, стрижет,  
Словно барченка, каждый день чешет,  
Бить не бьет – бить и мне не дает...  
Да недолго пострела потешит!  
Слышь, как щепка худа и бледна,  
Ходит, тоись, совсем через силу,  
В день двух ложек не съест толокна —  
Чай, свалим через месяц в могилу...  
А с чего?.. Видит Бог, не томил  
Я ее безустанной работой...  
Одевал и кормил, без пути не бранил,  
Уважал, тоись, вот как, с охотой...  
А, слышь, бить – так почти не бивал,  
Разве только под пьяную руку...

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал  
Ты мою неотвязную скуку!..»

1845

## «Еду ли ночью по улице темной...»

Еду ли ночью по улице темной,  
Бури заслушаюсь в пасмурный день —  
Друг беззащитный, больной и бездомный,  
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!  
Сердце сожмется мучительной думой.  
С детства судьба невзлюбила тебя:  
Беден и зол был отец твой угрюмый,  
Замуж пошла ты – другого любя.  
Муж тебе выпал недобрый на долю:  
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;  
Не покорилась – ушла ты на волю,  
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,  
Я унывал, выбивался из сил?  
В комнате нашей, пустой и холодной,  
Пар от дыханья волнами ходил.  
Помнишь ли труб заунывные звуки,  
Брызги дождя, полусвет, полутьму?  
Плакал твой сын, и холодные руки  
Ты согревала дыханьем ему.  
Он не смолкал – и пронзительно звонок  
Был его крик... Становилось темней;  
Вдоволь поплакал и умер ребенок...  
Бедная! слез безрассудных не лей!  
С горя да с голоду завтра мы оба  
Так же глубоко и сладко заснем;  
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —  
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.  
Помню, была ты бледна и слаба,  
Зрела в тебе сокровенная дума,  
В сердце твоём совершалась борьба.  
Я задремал. Ты ушла молчаливо,  
Принарядившись, как будто к венцу,  
И через час принесла торопливо  
Гробик ребенку и ужин отцу.  
Голод мучительный мы утолили,  
В комнате темной зажгли огонек,  
Сына одели и в гроб положили...  
Случай нас выручил? Бог ли помог?  
Ты не спешила печальным признаньем,  
Я ничего не спросил,  
Только мы оба глядели с рыданьем,



Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной  
Злая тебя сокрушила борьба?  
Или пошла ты дорогой обычной  
И роковая свершится судьба?  
Кто ж защитит тебя? Все без изъятия  
Именем страшным тебя назовут,  
Только во мне шевельнутся проклятья —  
И бесполезно замрут!..

1847

## **«Я не люблю иронии твоей...»**

Я не люблю иронии твоей.  
Оставь ее отжившим и нежившим,  
А нам с тобой, так горячо любившим,  
Еще остаток чувства сохранившим, —  
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно  
Свидание продлить желаешь ты,  
Пока еще кипят во мне мятежно  
Ревнивые тревоги и мечты —  
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалеко:  
Кипим сильней, последней жаждой полны,  
Но в сердце тайный холод и тоска...  
Так осенью бурливее река,  
Но холодней бушующие волны...

*1850*

## **«Мы с тобой бестолковые люди...»**

Мы с тобой бестолковые люди:  
Что минута, то вспышка готова!  
Облегченье взволнованной груди,  
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,  
Все, что душу волнует и мучит!  
Будем, друг мой, сердиться открыто:  
Легче мир – и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,  
Так возьмем и с нее долю счастья:  
После ссоры так полно, так нежно  
Возвращенье любви и участия...

*1851*

## Муза

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной  
Не помню над собой я песни сладкогласной!  
В небесной красоте, неслышимо, как дух,  
Слетая с высоты, младенческий мой слух  
Она гармонии волшебной не учила,  
В пеленках у меня свирели не забыла,  
Среди забав моих и отроческих дум  
Мечтой неясною не волновала ум  
И не явилась вдруг восторженному взору  
Подругой любящей в блаженную ту пору,  
Когда томительно волнуют нашу кровь  
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы  
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,  
Печальной спутницы печальных бедняков,  
Рожденных для труда, страдания и оков, —  
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,  
Всечасно жаждущей, униженно просящей,  
Которой золото – единственный кумир...  
В усладу нового пришельца в Божий мир,  
В убогой хижине, пред дымною лучиной,  
Согбенная трудом, убитая кручиной,  
Она певала мне – и полон был тоской  
И вечной жалобой напев ее простой.  
Случалось, не стерпев томительного горя,  
Вдруг плакала она, моим рыданиям вторя,  
Или тревожила младенческий мой сон  
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон  
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном,  
Все слышалось в нем в смещении безумном:  
Расчеты мелочной и грязной суеты,  
И юношеских лет прекрасные мечты,  
Погибшая любовь, подавленные слезы,  
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.  
В порыве ярости, с неправдою людской  
Безумная клялась начать упорный бой.

Предавшись дикому и мрачному веселью,  
Играла бешено моею колыбелью,  
Кричала: «Мщение!» – и буйным языком  
В сообщники свои звала Господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной  
Непрочен был порыв жестокости мятежной.

Слабея, медленно, томительный недуг  
Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг  
Все буйство дикое страстей и скорби лютой  
Одной божественно-прекрасною минутой,  
Когда страдалица, поникнув головой,  
«Прощай врагам своим!» – шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятой девы  
Лелеяли мой слух суровые напевы,  
Покуда наконец обычной чередой  
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.  
Но с детства прочного и кровного союза  
Со мною разорвать не торопилась Муза:  
Чрез бездны темные Насилия и Зла,  
Труда и Голода она меня вела —  
Почувствовать свои страдания научила  
И свету возвестить о них благословила...

1852

## Влас

В армяке с открытым воротом,  
С обнаженной головой,  
Медленно проходит городом  
Дядя Влас – старик седой.  
На груди икона медная;  
Просит он на божий храм, —  
Весь в веригах, обувь бедная,  
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником  
Палка длинная в руке...  
Говорят, великим грешником  
Был он прежде. В мужике  
Бога не было; побоями  
В гроб жену свою вогнал;  
Промышляющих разбоями,  
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного  
Скупит хлеб, а в черный год  
Не поверит гроша медного,  
Втрое с нищего сдерет!  
Брал с родного, брал с убогого,  
Слыл кашеем-мужиком;  
Нрава был крутого, строгого...  
Наконец и грянул гром!  
Власу худо; кличет знахаря —  
Да поможешь ли тому,  
Кто снимал рубашку с пахаря,  
Крал у нищего суму?  
Только пуще всё неможется.  
Год прошел – а Влас лежит,  
И построить церковь божится,  
Если смерти избежит.  
Говорят, ему видение  
Всё мерещилось в бреду:  
Видел света преставление,  
Видел грешников в аду;  
Мучат бесы их проворные,  
Жалит ведьма-егоза.  
Ефиопы – видом черные  
И как углие глаза,  
Крокодилы, змии, скорпии  
Припекают, режут, жгут...  
Воют грешники в прискорбии,



Цепи ржавые грызут.  
Гром глушит их вечным грохотом,  
Удушает лютый смрад,  
И кружит над ними с хохотом  
Черный тигр-шестокрылат.  
Те на длинный шест нанизаны,  
Те горячий лижут пол...  
Там, на хартиях написаны,  
Влас грехи свои прочел...  
Влас увидел тьму кромешную  
И последний дал обет...  
Внял Господь – и душу грешную  
Воротил на вольный свет.  
Роздал Влас свое имение,  
Сам остался бос и гол  
И собирать на построение  
Храма божьего пошел

С той поры мужик скитается  
Вот уж скоро тридцать лет,  
Подаянием питается —  
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая  
В дело божие ушла,  
Словно сроду жадность дикая  
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,  
Смуглолиц, высок и прям,  
Ходит он стопой неспешною  
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:  
Был у матушки Москвы,  
И у Каспия широкого,  
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,  
Сам с собой всё говорит  
И железною веригою  
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,  
Ходит в летние жары,  
Вызывая Русь крещеную  
На посильные дары, —

И дают, дают прохожие...

Так из лепты трудовой  
Вырастают храмы божии  
По лицу земли родной...

*1855*

## **«Безвестен я. Я вами не стяжал...»**

Безвестен я. Я вами не стяжал  
Ни почестей, ни денег, ни похвал,  
Стихи мои, – плод жизни несчастливой,  
У отдыха похищенных часов,  
Сокрытых слез и думы боязливой;  
Но вами я не восхвалял глупцов,  
Но с подлостью не заключал союза,  
Нет! свой венец терновый приняла,  
Не дрогнув, обесславленная Муза  
И под кнутом без звука умерла.

1855

## «Замолкни, Муза мести и печали!..»

Замолкни, Муза мести и печали!  
Я сон чужой тревожить не хочу,  
Довольно мы с тобою проклинали.  
Один я умираю – и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?  
Когда б хоть легче было от того!  
Мне самому, как скрип тюремной двери,  
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою  
Мой темный путь недаром омрача,  
Не просветлеет небо надо мною,  
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрожденья!  
Я звал тебя – во сне и наяву,  
В труде, в борьбе, на рубеже паденья  
Я звал тебя, – теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,  
Которую ты можешь осветить...  
То сердце не научится любить,  
Которое устало ненавидеть.

1855

## **«Внимая ужасам войны...»**

Внимая ужасам войны,  
При каждой новой жертве боя  
Мне жаль не друга, не жены,  
Мне жаль не самого героя...  
Увы! утешится жена,  
И друга лучший друг забудет;  
Но где-то есть душа одна —  
Она до гроба помнить будет!  
Средь лицемерных наших дел  
И всякой пошлости и прозы  
Одни я в мире подсмотрел  
Святые, искренние слезы —  
То слезы бедных матерей!  
Им не забыть своих детей,  
Погибших на кровавой ниве,  
Как не поднять плакучей иве  
Своих поникнувших ветвей...

1856

## **«В столицах шум, гремят витии...»**

В столицах шум, гремят витии,  
Кипит словесная война,  
А там, во глубине России —  
Там вековая тишина.  
Лишь ветер не дает покою  
Вершинам придорожных ив,  
И выгибаются дугою,  
Целуясь с матерью-землею,  
Колосья бесконечных нив...

*1857*

## На Волге (Детство Валежникова)

### 1

Не торопись, мой верный пес!  
Зачем на грудь ко мне скакать?  
Еще успеем мы стрелять.  
Ты удивлен, что я прирос  
На Волге: целый час стою  
Недвижно, хмурюсь и молчу.  
Я вспомнил молодость мою  
И весь отдаться ей хочу  
Здесь на свободе. Я похож  
На нищего: вот бедный дом,  
Тут, может, подали бы грош.  
Но вот другой – богаче: в нем  
Авось побольше подадут.  
И нищий мимо; между тем  
В богатом доме дворник-плут  
Не наделил его ничем.  
Вот дом еще пышней, но там  
Чуть не прогнали по шеям!  
И, как нарочно, всё село  
Прошел – нигде не повезло!  
Пуста, хоть выверни суму.  
Тогда вернулся он назад  
К убогой хижине – и рад,  
Что корку бросили ему;  
Бедняк ее, как робкий пес,  
Подальше от людей унес  
И гложет... Рано пренебрег  
Я тем, что было под рукой,  
И чуть не детскою ногой  
Ступил за отческий порог,  
Меня старались удержать  
Мои друзья, молила мать,  
Мне лепетал любимый лес:  
Верь, нет милей родных небес!  
Нигде не дышится вольней  
Родных лугов, родных полей,  
И той же песенкою полн  
Был говор этих милых волн.  
Но я не верил ничему.  
Нет, – говорил я жизни той, —

Ничем не купленный покой  
Противен сердцу моему...

Быть может, не достало сил,  
Или мой труд не нужен был,  
Но жизнь напрасно я убил,  
И то, о чем дерзал мечтать,  
Теперь мне стыдно вспоминать!  
Все силы сердца моего  
Истратив в медленной борьбе,  
Не допросившись ничего  
От жизни ближним и себе,  
Стучусь я робко у дверей  
Убогой юности моей:  
– О юность бедная моя!  
Прости меня, смирился я!  
Не помяни мне дерзких грез,  
С какими, бросив край родной,  
Я издевался над тобой!  
Не помяни мне глупых слез,  
Какими плакал я не раз,  
Твоим покоем тяготясь!  
Но благодушно что-нибудь,  
На чем бы сердцем отдохнуть  
Я мог, пошли мне! Я устал,  
В себя я веру потерял,  
И только память детских дней  
Не тяготит души моей...

2

Я рос, как многие, в глуши,  
У берегов большой реки,  
Где лишь кричали кулики,  
Шумели глухо камыши,  
Рядами стаи белых птиц,  
Как изваяния гробниц,  
Сидели важно на песке;  
Виднелись горы вдалеке,  
И синий бесконечный лес  
Скрывал ту сторону небес,  
Куда, дневной окончив путь,  
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,  
Считал я братьями людей,  
И даже скоро перестал



Бояться леших и чертей.  
Однажды няня говорит:  
«Не бегай ночью – волк сидит  
За нашей ригой, а в саду  
Гуляют черти на пруду!»  
И в ту же ночь пошел я в сад.  
Не то чтоб я чертям был рад,  
А так – хотелось видеть их.  
Иду. Ночная тишина  
Какой-то зоркостью полна,  
Как будто с умыслом притих  
Весь божий мир – и наблюдал,  
Что дерзкий мальчик затевал!  
И как-то не шагалось мне  
В всезрящей этой тишине.  
Не воротиться ли домой?  
А то как черти нападут  
И потащат с собою в пруд,  
И жить заставят под водой?  
Однако я не шел назад.  
Играет месяц над прудом,  
И отражается на нем  
Береговых деревьев ряд.  
Я постоял на берегу,  
Послушал – черти ни гу-гу!

Я пруд три раза обошел,  
Но черт не выплыл, не пришел!  
Смотрел я меж ветвей деревьев  
И меж широких лопухов,  
Что поросли вдоль берегов,  
В воде: не спрятался ли там?  
Узнать бы можно по рогам.  
Нет никого! Пошел я прочь,  
Нарочно сдерживая шаг.  
Сошла мне даром эта ночь,  
Но если б друг какой иль враг  
Засел в кусту и закричал,  
Иль даже, спугнутая мной,  
Взвилась сова над головой, —  
Наверно б мертвый я упал!  
Так, любопытствуя, давил  
Я страхи ложные в себе  
И в бесполезной той борьбе  
Немало силы погубил.  
Зато добытая с тех пор  
Привычка не искать опор  
Меня вела своим путем,  
Пока рожденного рабом

Самолюбивая судьба  
Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет  
Я вновь принес тебе привет.  
Уж я не тот, но ты светла  
И величава, как была.  
Кругом всё та же даль и ширь,  
Всё тот же виден монастырь  
На острову, среди песков,  
И даже трепет прежних дней  
Я ощутил в душе моей,  
Заслыша звон колоколов.  
Всё то же, то же... только нет  
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,  
Что на песке горят следы,  
Рыбалки дремлют над водой,  
Усевшись в плотные ряды;  
Куют кузнечики, с лугов  
Несется крик перепелов.  
Не нарушая тишины  
Ленивой, медленной волны,  
Расшива движется рекой.  
Приказчик, парень молодой,  
Смеясь, за спутницей своей  
Бежит по палубе: она  
Мила, дородна и красна.  
И слышу я, кричит он ей:  
«Постой, проказница, ужо  
Вот догоню!...» Догнал, поймал, —  
И поцалуй их прозвучал  
Над Волгой вкусно и свежо.  
Нас так никто не цаловал!  
Да в подрумяненных губах  
У наших барынь городских  
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах  
Я позабылся. Сон и зной  
Уже царили надо мной.  
Но вдруг я стоны услышал,  
И взор мой на берег упал.  
Почти пригнувшись головой

К ногам, обвитым бечевой,  
Обутым в лапти, вдоль реки  
Ползли гурьбою бурлаки,  
И был невыносимо дик  
И страшно ясен в тишине  
Их мерный похоронный крик —  
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!  
Любил ли кто тебя, как я?  
Один, по утренним зарям,  
Когда еще всё в мире спит  
И алый блеск едва скользит  
По темно-голубым волнам,  
Я убежал к родной реке.  
Иду на помощь к рыбакам,  
Катаюсь с ними в челноке,  
Брожу с ружьем по островам.  
То, как играющий зверок,  
С высокой кручи на песок  
Скачусь, то берегом реки  
Бегу, бросая камешки,  
И песню громкую пою  
Про удаль раннюю мою...  
Тогда я думать был готов,  
Что не уйду я никогда  
С песчаных этих берегов.  
И не ушел бы никуда —  
Когда б, о Волга! над тобой  
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,  
Его услышав в первый раз,  
Я был испуган, оглушен.  
Я знать хотел, что значит он, —  
И долго берегом реки  
Бежал. Устали бурлаки,  
Котел с расшивы принесли,  
Уселись, развели костер  
И меж собою повели  
Неторопливый разговор.  
«Когда-то в Нижний попадем? —  
Один сказал. — Когда б попасть  
Хоть на Илью...» — Авось придем, —  
Другой, с болезненным лицом,  
Ему ответил. — Эх, напасть!  
Когда бы зажило плечо,  
Тянул бы лямку, как медведь,  
А кабы к утру умереть —

Так лучше было бы еще... —  
Он замолчал и навзничь лег.  
Я этих слов понять не мог,  
Но тот, который их сказал,  
Угрюмый, тихий и больной,  
С тех пор меня не покидал!  
Он и теперь передо мной:  
Лохмотья жалкой нищеты,  
Изнеможенные черты  
И, выражающий укор,  
Спокойно-безнадежный взор...  
Без шапки, бледный, чуть живой,  
Лишь поздно вечером домой  
Я воротился. Кто тут был —  
У всех ответа я просил  
На то, что видел, и во сне  
О том, что рассказали мне,  
Я бредил. Няню испугал:  
«Сиди, родименькой, сиди!  
Гулять сегодня не ходи!»  
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?  
Я не узнал реки родной:  
С трудом ступает на песок  
Моя нога: он так глубок;  
Уж не манит на острова  
Их ярко-свежая трава,  
Прибрежных птиц знакомый крик  
Зловещ, пронзителен и дик,  
И говор тех же самых волн  
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,  
Когда в то утро я стоял  
На берегу родной реки,  
И в первый раз ее назвал  
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,  
Созвав товарищей-детей,  
Какие клятвы я давал —  
Пускай умрет в душе моей,  
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы – наивный бред,  
Обеты юношеских лет,  
Зачем же вам забвенья нет?  
И вами вызванный упрек

Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!  
Каким тебя я в детстве знал,  
Таким и ныне увидал:  
Всё ту же песню ты поешь,  
Всё ту же лямку ты несешь,  
В чертах усталого лица  
Всё та ж покорность без конца...

.....  
.....

Прочна суровая среда,  
Где поколения людей  
Живут и гибнут без следа  
И без урока для детей!  
Отец твой сорок лет стонал,  
Бродя по этим берегам,  
И перед смертью не знал,  
Что заповедать сыновьям.  
И, как ему, – не довелось  
Тебе наткнуться на вопрос:  
Чем хуже был бы твой удел,  
Когда б ты менее терпел?  
Как он, безгласно ты умрешь,  
Как он, бесплодно пропадешь,  
Так заматывается песком  
Твой след на этих берегах,  
Где ты шагаешь под ярмом,  
Не краше узника в цепях,  
Твердя постылые слова,  
От века те же: «раз да два!»  
С болезненным припевом «ой!»  
И в такт мотая головой...

1860

## Зеленый Шум

Идет-гудет Зеленый Шум,  
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится  
Вдруг ветер верховой:  
Качнет кусты ольховые,  
Подымет пыль цветочную,  
Как облако, – всё зелено,  
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,  
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйюшка  
Наталья Патрикеевна,  
Водой не замутит!  
Да с ней беда случилась,  
Как лето жил я в Питере...  
Сама сказала, глупая,  
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей  
Зима нас заперла,  
В мои глаза суровые  
Глядит, – молчит жена.  
Молчу... а дума лютая  
Покоя не дает:  
Убить... так жаль сердечную!  
Стерпеть – так силы нет!  
А тут зима косматая  
Ревет и день и ночь:

«Убей, убей изменницу!  
Злодея изведи!  
Не то весь век промаешься,  
Ни днем, ни долгой ночью  
Покоя не найдешь.  
В глаза твои бесстыжие  
Соседи наплюют!..»  
Под песню-вьюгу зимнюю  
Окрепла дума лютая —  
Припас я вострый нож...  
Да вдруг весна подкралась...

Идет-гудет Зеленый Шум,

Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,  
Стоят сады вишневые,  
Тихохонько шумят;  
Пригреты теплым солнышком,  
Шумят повеселелые  
Сосновые леса;  
А рядом новой зеленью  
Лепечут песню новую  
И липа бледнолистая,  
И белая березонька  
С зеленою косой!  
Шумит тростинка малая,  
Шумит высокий клен...  
Шумят они по-новому,  
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,  
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,  
Нож валится из рук,  
И всё мне песня слышится  
Одна – в лесу, в лугу:  
«Люби, покуда любится,  
Терпи, покуда терпится,  
Прощай, пока прощается,  
И – бог тебе судья!»

1862

## Рыцарь на час

Если пасмурен день, если ночь не светла,  
Если ветер осенний бушует,  
Над душой воцаряется мгла,  
Ум, бездействуя, вяло тоскует.  
Только сном и возможно помочь,  
Но, к несчастью, не всякому спится...  
Слава богу! морозная ночь —  
Я сегодня не буду томиться.  
По широкому полю иду,  
Раздаются шаги мои звонко,  
Разбудил я гусей на пруду,  
Я со стога спугнул ястребенка,  
Как он вздрогнул! как крылья развил!  
Как взмахнул ими сильно и плавно!  
Долго, долго за ним я следил,  
Я невольно сказал ему: славно!  
Чу! стучит проезжающий воз,  
Деготьком потянуло с дороги...  
Обоняние тонко в мороз,  
Мысли свежи, выносливы ноги.  
Отдаешься невольно во власть  
Окружающей бодрой природы;  
Сила юности, мужество, страсть  
И великое чувство свободы  
Наполняют ожившую грудь;  
Жаждой дела душа закипает,  
Вспоминается пройденный путь,  
Совесть песню свою запекает...  
Я советую гнать ее прочь —  
Будет время еще сосчитаться!  
В эту тихую, лунную ночь  
Созерцанию должно предаться.  
Даль глубоко прозрачна, чиста,  
Месяц полный плывет над дубровой,  
И господствуют в небе цвета  
Голубой, беловатый, лиловый.  
Воды ярко блестят средь полей,  
А земля прихотливо одета  
В волны белого лунного света  
И узорчатых, странных теней.  
От больших очертаний картины  
До тончайших сетей паутины,  
Что по воздуху тихо плывут, —  
Всё отчетливо видно: далече  
Протянулись полосы гречи,



Красной лентой по скату бегут;  
Замыкающий сонные нивы,  
Лес сквозит, весь усыпан листвою;  
Чудны красок его переливы  
Под играющей, ясной луной;  
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —  
В нем легко отличишь издали;  
Грудью к северу, ворон тяжелый —  
Видишь – дремлет на старой ели!  
Всё, чем может порадовать сына  
Поздней осенью родина-мать:  
Зеленеющей озими гладь,  
Подо льном – золотая долина,  
Посреди освещенных лугов  
Величавое войско стогов —  
Всё доступно довольному взору...  
Не сожмется мучительно грудь,  
Если б даже пришлось в эту пору  
На родную деревню взглянуть:  
Не видна ее бедность нагая!  
Запаслася скирдами, родная,  
Окружилась ими она  
И стоит, словно полная чаша.  
Пожелай ей покойного сна —  
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, – я спать не могу,  
Я стою потихоньку, без шуму  
На покрытом стогами лугу  
И невольную думаю думу.  
Не умел я с тобой совладать,  
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать  
На могиле далекой,  
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,  
Посреди бесконечных лугов,  
За селом, на горе невысокой,  
Вся бела, вся видна при луне,

Церковь старая чудится мне,  
И на белой церковной стене  
Отражается крест одинокий.  
Да! я вижу тебя, Божий дом!  
Вижу надписи вдоль по карнизу  
И апостола Павла с мечом,  
Облаченного в светлую ризу.

Поднимается сторож-старик  
На свою колокольню-руину,  
На тени он громадно велик:  
Пополам пересек всю равнину.  
Поднимись! – и медлительно бей,  
Чтобы слышалось долго гуденье!  
В тишине деревенских ночей  
Этих звуков властительно пенье:  
Если есть в околотке больной,  
Он при них вострепнется душой  
И, считая внимательно звуки,  
Позабудет на миг свои муки;  
Одинокий ли путник ночной  
Их заслышит – бодрее шагает;  
Их заботливый пахарь считает  
И, крестом осенясь в полусне,  
Просит Бога о ведреном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,  
Насчитал я двенадцать часов.  
С колокольни старик возвратился,  
Слышу шум его звонких шагов,  
Вижу тень его; сел на ступени,  
Дремлет, голову свесив в колени,  
Он в мохнатую шапку одет,  
В балахоне убогом и темном...  
Всё, чего не видал столько лет,  
От чего я пространством огромным  
Отделен, – всё живет предо мной,  
Всё так ярко рисуется взору,  
Что не верится мне в эту пору,  
Чтоб не мог увидеть я и той,  
Чья душа здесь незримо витает,  
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!  
Появись легкой тенью на миг!  
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,  
Всю ты жизнь прожила для других.  
С головой, бурям жизни открытою,  
Весь свой век под грозой сердитою  
Простояла ты, – грудью своей  
Защищая любимых детей.  
И гроза над тобой разразилась!  
Ты, не дрогнув, удар приняла,  
За врагов, умирая, молилася,  
На детей милость Бога звала.  
Неужели за годы страдания  
Тот, кто столько тобою был чтим,

Не пошлет тебе радость свидания  
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю  
На родимую грудь изолю,  
Я тебе мою песню последнюю,  
Мою горькую песню спою.  
О прости! то не песнь утешения,  
Я заставлю страдать тебя вновь,  
Но я гибну – и ради спасения  
Я твою призываю любовь!  
Я пою тебе песнь покаяния,  
Чтобы кроткие очи твои  
Смыли жаркой слезою страдания  
Все позорные пятна мои!  
Чтоб ту силу свободную, гордую,  
Что в мою заложила ты грудь,  
Укрепила ты волею твердою  
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,  
С неземным выраженьем в очах,  
Русокудрая, голубоокая,  
С тихой грустью на бледных устах,  
Под грозой величаво-безгласная —  
Молода умерла ты, прекрасная,  
И такой же явилась ты мне  
При волшебной светящей луне.  
Да! я вижу тебя, бледнолицую,  
И на суд твой себя отдаю.  
Не робеть перед правдой-царицею  
Научила ты Музу мою:  
Мне не страшны друзей сожаления,  
Не обидно врагов торжество,  
Изреки только слово прощения,  
Ты, чистейшей любви божество!  
Что враги? пусть клеветуют язвительней.  
Я пощады у них не прошу,  
Не придумать им казни мучительней  
Той, которую в сердце ношу!  
Что друзья? Наши силы неровные,  
Я ни в чем середины не знал,  
Что обходят они, хладнокровные,  
Я на всё безрассудно дерзал,  
Я не думал, что молодость шумная,

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.